

Валерий Сдобняков. Ярослав Валерьевич, вы известный в России поэт, автор множества публикаций, ваши стихи знают и любят читатели, и в то же время вы не менее авторитетный учёный, доктор медицинских наук, автор научных статей и изобретений. Вам, насколько я знаю, принадлежат и фундаментальные открытия в медицинской сфере. Что же вас привело к столь плодотворной интеллектуально-творческой деятельности? В чём первоначальная основа все этих трудов?

Ярослав Кауров. Первоначальная основа всего, что я делал — семья, её атмосфера, тот моральный кодекс, который присутствовал совершенно незаметно, но диктовал не только поведение — стремления и мечты. Я мечтал стать учёным, поэтом и актёром. Стремление казалось бы неосуществимое, но осуществлённое моим отцом — Валерием Витальевичем Кауровым. Он одновременно учился и в Театральном училище и на Физфаке. Моя мама, Галина Николаевна Каурова, кандидат биологических наук, начинала как экскурсовод художественного музея и прекрасно знала историю живописи, а всю жизнь изучала и преподавала биологию. Именно в этой области и созданы её изобретения и открытия.

В.С. Иными словами, вы росли в действительно творческой и научной атмосфере одновременно? Согласитесь, не каждому в жизни выпадает такая удача. Я вот рос совершенно в другой — жёсткой, уличной, в которой, увы, слишком рано взрослеют, но и учатся постоять за себя. Я говорю о районе старой Нижегородской ярмарки, Стрелки, от которых сейчас, внешне, почти ничего не осталось. Дома-бараки снесены, каналы засыпали, даже речной порт перенесли... Меня духовно насыщали книги. Читал постоянно, без особого разбора и не только то, что было в домашней библиотеке, но ходил за книгами в центральную городскую библиотеку, что на улице Советской.

Я.К. Нижегородский район тоже не был абсолютно благополучен, почти половина мальчиков из моего класса потом побывала в тюрьме. И драться приходилось довольно много, но и учился я неплохо. А уж при нашей домашней библиотеке в 3000 томов, читал много и с удовольствием. Но главное действительно то, что и мама, и папа наукой были увлечены искренне и азартно.

В.С. Мне приходилось писать о ваших стихах, и я отмечал, что им свойственна глубокая историчность. Вы связываете, соединяете в непрерывный процесс жизнь современного духовно урбанизированного человека с событиями далёкого прошлого и тем самым заставляете его решать вечные нравственные проблемы. Это вы делаете осознанно, или тут подспудно срабатывает поэтический инстинкт вечного поиска «высшей правды»?

Я.К. История — моя любовь и крепчайшая опора всех убеждений и начинаний. Историком является мой лучший друг Андрей Тремасов, с которым мы создали «Театр поэтов». Я стремился к изучению истории инстинктивно, без всякой надежды на то, что это хобби когда-то пригодится мне в жизни. И, тем не менее, всё, что я впоследствии делал, вплетало историю во все дела и планы. Ещё до создания совместных проектов мы уговорились с Тремасовым, что будем писать не о злободневном, а о вечном. Не о том, что сотрётся в ближайшие десятилетия, а о том, что будоражило души людей во все века существования человечества. Николай Рерих когда-то услышал напутствие: «Правьте лодку выше, течение снесёт, но вы придёте к цели!» Мы правили высоко, и цель была достигнута.

В.С. Иными словами, вы полностью удовлетворены сделанным за прошедшие годы, достигнутыми результатами?

Я.К. Каждый стремится к своему, я получил ровно то, что заказывал.

*В потоке мракобесия
На каторжном пути
Случайно равновесие
Дано мне обрести.*

*И я прошу у случая,
Что б не менялся он
Ни в худшую, ни в лучшую
Из четырех сторон!*

В.С. Вы написали книгу о своих предках, назвав её «Величальная... Нижнему Новгороду». Расскажите для тех, кто не смог с ней познакомиться на страницах журнала «Наша молодёжь», где из номера в номер публиковались главы книги, о своих родовых корнях. И главное, насколько важно для вас осознавать, что являетесь прямым потомком многих замечательных людей, оставивших о себе добрую память в истории России?

Я.К. Мне давно хотелось без излишнего морализирования написать историю прошедшего века с его парадоксами свержения невероятно прочных государственных строев, которые вдруг разваливались, как карточные домики. Но казалось скучным и необъективным обсуждать смерти и трагедии людей, философствуя и на самом деле не зная, за что им всё это было дано. И мне пришла в голову идея объединить воспоминания моих родных со своими, и через реальные судьбы людей разных сословий — дворян, купцов, крестьян, рабочих, военных, учёных описать историю столетия, судьбу всей России. Может быть, это покажется людям интересным. Во всяком случае, это — правда, а правду можно трактовать по-разному, и взгляд на неё меняется в зависимости от времени, в котором вы о ней читаете. Мне захотелось написать семейные хроники не только для того, чтобы описать жизнь своей семьи. Дело в том, что в старом доме сохранились записки многих поколений моих предков, множество старинных фотографий, которые ярко иллюстрируют всю «Величальную». Это бесценный исторический материал. Все для того, чтобы через жизнь семьи отразить радости и мучения, победы и несчастья России на протяжении ста пятидесяти лет. И об этом рассказали современники событий.

В.С. Мне кажется, я прочитал в упоминаемой книге, что ваша семья так и продолжает жить в доме, который ещё до революции принадлежал вашим предкам. Или я ошибаюсь?

Я.К. Мой дом стоит в центре Гребешка — горе над слиянием Оки и Волги. В доме живёт восьмое поколение нашего рода. В родовом древе сплелись и купеческие, и дворянские корни. Один из предков был

ревизором, другой — тайным советником. По рассказам бабушки, вёсной Гребешок благоухал: первой зацветала черемуха, потом — сирень, яблони, вишни, груши, сливы. Люди выходили из ставших душными домов. Дымилась самовары, пили чай. Открывались окна, выставлялись зимние рамы. Казалось, после зимы оттаивала душа. Звучали романсы и песни под гитару. Дружили здесь домами, ходили друг к другу в гости. У нас дома на несколько голосов пели «Вечерний звон», вспоминали ушедших. Старожилы рассказывают, что пел на Гребешке и Шалапин, пытался перепеть его Горький. А осенью в садах на открытом огне варили варенье. Дети ждали пенок, сладкое облако парило над Гребешком. Моя прабабушка выставляла на улицу корзины с яблоками: «Бери, кто хочешь, сколько хочешь». За домом был старый прекрасный сад: семена растений выписывали со всего света, красивые камни для окантовки клумб привозили издалека. За время революций, войн, голода сад был запущен, заглох, липы выросли до небес. Лишь теперь мы его возродили, и он снова стал прекрасен.

Строить мой дом начал в самом начале XIX века Александр Александрович Жарков, потомственный почётный гражданин, государственный чиновник, ревизор. Его портрет, выполненный маслом, висит у нас на почётном месте. Отец его, тоже Александр Александрович, был купцом второй гильдии. Женат строитель дома был на Анне Павловне Вяхиревой — из мелкопоместных дворян и купцов. Купеческая ветвь Вяхиревых была состоятельной, они подарили городу Карповскую церковь и первый роддом. В 1812 году в Нижний Новгород хлынули волны беженцев из Москвы. Тогда мои предки познакомились с видными представителями московских знатных фамилий: Карамзиным, Батюшковым, Василием Львовичем Пушкиным, Малиновским, Глинкой. В следующем поколении Фёдор Александрович Жарков, также потомственный почётный гражданин, продолжил отделку и меблировку дома. В нём зазвучал клавесин, заиграл золотой свет на креслах из карельской березы. Этот клавесин и мебель в революцию солдаты выбросили на снег, когда попытались произвести выселение. Не удалось.

А во второй половине XIX века Фёдор Александрович, не выбившийся в высокие чины, увлекался тем, что выписывал со всего мира и разводил у себя в саду экзотические растения. На них приходили полюбоваться многие нижегородцы. Брат Фёдора Александровича был художником. Фёдор Александрович был женат на Татьяне Павловне Чадулиной, купеческой дочери. Её сестра Ольга, которую дочь Татьяны Павловны, Инна, звала Баболей, вышла замуж за пожилого купца Кожевникова. После его смерти Ольга Павловна не захотела заниматься предприятием мужа и продала дело. Отступных от компаньонов получила более миллиона. Детей у нее не было, и занималась она преимущественно собой — выстроила огромный каменный особняк с монументальными конюшнями, была страстной театралкой и любительницей лошадей. Имела лучший выезд в Нижнем Новгороде. Дочь Фёдора Александровича, Инна Фёдоровна, вышла замуж в Петербург. Её избранником стал Ефим Варфоломеевич Рудой из дворянского рода с Западной Украины. В этой ветви было много известных фамилий: Бертеневы, Бестужевы и многие другие. Однако отец Ефима Варфоломеевича поссорился с родными и ушёл из семьи. Так что прадедушке пришлось начинать карьеру с низов. Он работал служащим, а потом управляющим всем имуществом графини Шуваловой.

Графиня была необычайно богата. Говорят, чуть ли не богаче венценосных Романовых. Прадедушка с семьёй некоторое время жил в её петербургском дворце, который стал в советское время Дворцом Дружбы народов. Ей достались по наследству Демидовские уральские заводы, сотни имений, небольшой город на Украине. У нас до сих пор сохранился подписанный ею документ, по которому она доверяет Ефиму Варфоломеевичу Рудому заключать от её имени любые сделки, — столь высоко было её доверие к нему. Она вела необыкновенно скромный образ жиз-

ни, помогала всем, кто к ней обращался, и имела только одно экстравагантное увлечение — коллекционировала средневековые замки. Да, не дверные замки, а именно укрепленные средневековые жилища аристократов с зубчатыми стенами, стрельчатыми окнами и высокими башнями. Прадедушка Ефим Варфоломеевич Рудой ездил по Европе и скупал их для неё. Графиня выбирала их по крупным фотографиям. Часть из них сохранилась у нас в семейном архиве. Шувалова добилась у императора, чтобы Ефиму Варфоломеевичу шли государственные чины. Он дослужился до тайного советника. А ещё он был человеком необыкновенной силы: ломал подковы, сворачивал пальцами в трубочку пятаки, перерубал ребром ладони спинки венских стульев.

В.С. Из столь увлекательного далёкого прошлого давайте вернёмся в наши дни. Вы упомянули о «Театре поэтов». А как возникла идея его создания — уникального, по моему мнению, творческого проекта, который вот уже многие годы радует зрителей и слушателей замечательными представлениями?

Я.К. Когда-то вместе с Юрием Цендровским мы организовали в Нижнем Новгороде «Театр песни». Довольно успешно гастролировали, выступали от «Музыкального общества». Но всё это закончилось, когда Юрий уехал в Москву. Несмотря на врачебную практику и занятия наукой, во мне всегда жило увлечение стихами, песней, сценой, выразившееся в идее создания «Театра поэтов», которая родилась ещё во время совместных выступлений с великим актёром Евгением Павловичем Леоновым, приехавшим для творческих встреч в Нижний Новгород. Эта важная для меня встреча послужила прекрасной школой актёрского мастерства и искреннего, требующего «тратить сердце», отношения к театру.

*Зачем мы начали играть?
Не хватит ли игры и в жизни?
С безликих маску не сорвать:
Без маски нет лица в отчизне.*

*Быть может, неудачник мстит,
Играя грешником кумира,
Быть может, маска — это щит
От наступающего мира?*

*Привыкли думать вы, что здесь
Фальшиво счастье и несчастье,
Царит надуманная спесь,
Горят надуманные страсти.*

*Нет, здесь отсутствует финал,
И вечно с этой вечной сцены
Мы глядываемся в ваш зал,
В веках не видя перемены.*

*И есть ли в нашей жизни час,
Когда бы мог раскрыться гений?
Мы носим маски среди вас
И сбрасываем их на сцене.*

*Камзол, манжеты и колет
Для нас удобней, современной.
Вне времени живет поэт,
Вне времени его творенья.*

*Вы не поверите ему
Без фабулы и блеска пьесы,
Средь вас нет места ни уму
Шута, ни верности принцессы.*

*Не может быть, чтоб среди вас
Он жил, творил, любил и бредил,
Лишь здесь, сегодня и сейчас,
В спектакле, вы — его соседи.*

*Сомненья можете пресечь,
Высоким стилем насладиться,
Услышать истинную речь,
Увидеть истинные лица.*

Вот уже около двадцати лет в Нижнем Новгороде существует полноценный театральный коллектив с коллекцией исторических костюмов, реквизитом, которому могли бы позавидовать профессионалы: шпаги, мечи, кубки, кинжалы, алебарды, старинные весы, картины и гобелены. Театр можно считать оригинальным и единственным в своём роде. Мы с моим другом поэтом Андреем Тремасовым захотели вернуться к истокам театральной истории, во времена бардов, скальдов, труверов, подобно магам, ткущим холст выступления на глазах у публики. Таким был театр до Эсхила и Софокла. В нём автор текста и музыки сам играет созданную им роль. Это театрализация поэзии и поэтизирование театра. За двадцать лет поставлено более двадцати спектаклей, охватывающих всю историю человечества: «Египет — колыбель страха», «Аркаим», «Эхо Эллады», «Древний Рим», «Рыцари», «Пилигримы», «За кулисами шекспировского театра «Глобус», «Галантный век», «Шепот дьявола», «Голос Божий», «Дворянское гнездо», «Декаданс», «Белая гвардия», «Любви мелодия нетленна», «Орден рыцарей красоты», «Дождливый день», «Третий Рим» и т. д. В спектаклях «Театра поэтов» нет сюжета, фабулы, но каждое стихотворение, каждая песня являются ролью, обыгранной костюмами и реквизитом, которые в свою очередь имеют подлинную историческую ценность (камзолы сшиты из лионского бархата XVIII века, часы, сабли, шпаги — подлинные, не бутафорские). Звучат монологи монахов, жрецов, рыцарей, шутов, королей и ростовщиков. Во время спектакля идёт такое вхождение в век, в роль, аутентичную обстановку, что автор стихотворения, он же — актёр, проживает свой собственный текст совершенно искренне, и душа больше раскрывается на сцене, чем в реальной жизни.

Я благодарен судьбе за многие встречи с поэтами, писателями, режиссёрами и актёрами. Вспоминаются лица Плятта, Быкова, Конкина, Губенко, Симонова (сына поэта), Бурляева, Ефремова, Пуговкина, Крачковской, Костолевского, Говорухина, Ахмадулиной. С кем-то довелось сидеть за одним столом, с кем-то участвовать в совместных концертах. Но кое-что запомнилось особо. Известный нижегородский профессор Вадим Габриэлевич Вогралик занимался геронтологией, и к нему приезжали со всей страны очень пожилые люди. Я был тогда студентом-второкурсником, и семья Волских познакомила меня с Виктором Андрониковичем Мануйловым, проходившим профилактическое лечение у Вадима Габриэлевича. Мануйлов — составитель Лермонтовской энциклопедии, — был удивительным поэтом, близко знакомым с Мандельштамом, Ахматовой, Блоком и даже — Брюсовым. Когда я впервые вошёл в его палату в областной больнице им. Семашко, навстречу мне встал небольшого роста удивительно лысый человек: его череп вытянутой формы, как нимбом, был затуманен лёгким седым пушком. Виктор Андроникович вставал с койки каждый раз, когда в палату входила медсестра. Она стеснялась, а он объяснял, что в присутствии дамы настоящий мужчина сидеть не может. Виктор Андроникович первым рассказал мне о судьбе Гумилева, о его расстреле, о подкинутых документах заговора. Книги Гумилева тогда не издавались, и я с трудом нашёл самиздатовскую распечатку, которую храню до сих пор. Я прочитал ему свои стихи и запомнил на всю жизнь отзыв Мануйлова.

— Вы — Поэт! И это высшая похвала, — сказал он.

Так я получил эстафету из бесконечно любимого мною Серебряного века.

До сих пор для меня остаётся величайшей загадкой, каким образом культурная царская Россия превратилась в то неандертальское болото, которое, за редчайшим исключением, представляет собой искусство советского периода. Каким образом всё время, имея перед глазами примеры того, как писали хорошо, можно производить на свет настолько неслыханную ахинею. Куда ушли уважительные, корректные, предупредительные, нежные отношения между людьми. В поведении, в быту, в общении мы скатились в липкую неприличную бездну. Кое-что делалось под эгидой простоты и искренности, но ни простоты, ни искренности это не принесло.

Удивительными встречами и напутствием на всю жизнь оказались пятнадцать концертов, которые мне посчастливилось дать вместе с Евгением Павловичем Леоновым — возможно, самым ярким и человечным актёром России. Перенесший недавно клиническую смерть в Германии, Евгений Павлович не мог вести концерты целиком, очень уставал, и меня пригласили заполнять промежутки моими песнями. Нисколько не преувеличивая, могу сказать, что не в советское богоборческое время Евгений Павлович был бы признан святым. «Заслуженный святой» по отношению к нему — не шутка. Он одинаково разговаривал с директором крупного завода и с потрёпанной, блудливого вида уличной кошкой. И все улыбались ему. Не было ни одного одинакового концерта. Леонов действительно тратил сердце. Щедро, бесстрашно. Он рассказывал, что «тратить сердце» ему завещал его учитель Михаил Михайлович Яншин, постепенно передавший ему свои роли. Он постоянно работал над образом, придумывал новые ходы, почти репризы, спрашивал нас, смешно или нет. Было смешно — и хотелось плакать. Чувствовал себя он довольно плохо, но считал своим долгом смешить нас даже в автобусе, в котором мы ездили на концерты. Как-то после одного из них мы разговорились в гримёрной, и он сказал мне страшную вещь: «Если ты можешь уехать за границу — уезжай. Здесь ещё 300 лет ничего не будет». Я ответил, что нигде в другом месте, кроме России, жить не могу. И сейчас думаю также. Хочется объяснить, что Евгений Павлович посоветовал мне уехать не потому, что не любил Россию, а потому, что ему больно было за неё и жалко меня.

В.С. Ох, как тут мне с уважаемым Евгением Павловичем заочно хотелось бы поспорить, но не буду прерывать столь интересный ваш рассказ. Замечу только, что в позднесоветское время это заблуждение, что за границей рай земной, свобода и процветание, было свойственно многим представителям советской интернациональной творческой интеллигенции. Однако действительность всё опровергла. Да это, собственно, доказала своей судьбой первая русская эмиграция, в том числе представители столь вами любимого серебряного века, только на чужих примерах когда мы учились? Но эмиграция первой волны успела многое создать за границей в искусстве, науке, философии. Для эмиграции 60-х годов лучшим уделом оказалась работа на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода». Другие же в своём большинстве просто канули в неизвестность, забвение. Впрочем, тут я себе позволил некое отступление, может быть, далёкое от вашего рассказа.

Я.К. Но я запомнил и ещё один рассказ Леонова, который не могу не передать. Находясь на гастролях в Германии, Леонов почувствовал себя плохо и решил обследоваться. На пороге больницы он умер. Спасла переводчица, которая точно так же чуть не потеряла отца. Моментально была сделана операция коронарного шунтирования, но клиническая смерть перешла в кому, великий актёр не оживал. Из России приехал сын Евгения Павловича, и немецкий доктор сказал ему: «Хочешь, чтобы отец выжил — всё время разговаривай с ним. Если он почувствует, что

нужен на земле, он вернётся». И сын разговаривал с ним, много дней и ночей без сна шептал ему: «Отец, вернись. Я тебя люблю! Ты мне нужен!» «Я был мёртвый, но помню каждое слово сына, — вспоминал Леонов. — Вышел я еле живой из немецкой больницы и узнал, что мой обратный билет театр продал. Видимо, подумали, что всё равно умру». И до сих пор звучит во мне его голос: «Прощение выше справедливости». Когда Леонова спрашивали, какое качество в людях он ценит больше всего, он отвечал: «Степнительность». Я всегда понимал значение наших встреч, и мне очень хотелось, чтобы Леонов что-то написал мне на память. В качестве бумаги я подsunул ему своё свидетельство о рождении. Вот слова, написанные Евгением Павловичем: «Ярославу — соучастнику наших концертов, скромному, талантливому человеку, с уважением и благодарностью. Е. Леонов 1991».

В.С. Для меня оказалось несколько неожиданным, что в новой поэме «Нижегородская древлеправославная» вы обратились к теме русского исторического православия. Мне всегда казалось, что по своему мировосприятию православные традиции вам не были близки. В вашем поэтическом осмыслении русской истории эта тема не являлась основополагающей, и вдруг... Выходит, я ошибался, или какая-то перемена, трансформация произошла именно в вас самом?

Я.К. Вопросы духовного совершенствования волновали меня с раннего детства. Однако, подходил я к ним несколько материалистически. Изучал историю создания различных религий, их каноны и заповеди. Став врачом, я, казалось бы, только глубже начал разбираться, из чего состоит человек, как он функционирует. Но тут-то мыслящего эскулапа и подстерегает ощущение, что любые знания ничтожны перед провидением, диктующим — кому жить, а кому погибнуть, несмотря на самые активные действия докторов. Именно осознание полной своей беспомощности при исчерпывающей осведомлённости и толкает, настойчиво продвигает к религии. И ещё, Бога надо почувствовать, а для этого нужно его искать, и обязательно найдёте. Православие я не выбирал, оно пришло само, органично и легко, как будто Христос вошёл и сел у стола, положив на него усталые руки. Пять лет подряд я ездил в отпуск не к морю, а в Высоково-Успенский монастырь, что за Ковернино. Работал там трудником и много, как и все его обитатели, молился. Возвращался будто омытым в роднике, прозрачным для зла, полным сил. Но после Юрий Иванович Хромов привёз меня в Переделкино в Дом творчества — гнездо русской словесности советского и постсоветского периода — и более десяти лет я проводил отпуск там. Места эти для меня тоже святые.

В.С. Прямо скажу — мне трудно сопоставить в «святости» эти два места.

Я.К. Я объясню, что имею в виду. Удел поэта — это своеобразные вериги. Далеко не все считают такое увлечение безобидным. Многие не понимают, другие открыто осуждают, усматривают душевное заболевание. И поэзия действительно тяжёлая болезнь, такая же, как настоящая любовь, с лихорадкой и видениями, бессонницей и терзаниями. Чего стоит только обязанность говорить правду, без которой талантливого стихотворения не получится. Поэт действительно опасен, опасен, как и истинно верующий. Опасен для воров, подлецов и тиранов маленьких и больших, улыбочивых и злобных, мучающих семьи, предприятия, институты и страны. Иллюстрацией служит то, что за поэзию регулярно убивают. Убивают и за веру в Бога. Ведь в то, что Бога нет, можно только верить. Все доказательства отсутствия Бога примитивны и наглы. Материализм, атеизм всего лишь голая уродливая вера в безобразие, в то, что всё создавалось без образа. Однако вера эта агрессивная, злая, слепая и не желающая прозрения. Вера в дырку от бублика, в чёрную дыру, во вседозволенность и безнаказанность, сиюминутность и непогрешимость

любого удачливого дебила, который на самом деле идёт к жалкой цели дорогой настоящего, всеобъемлющего Дьявола.

Из ворот монастыря, как и из Переделкина всё видится совсем иным, мелкие заботы отступают как дым, а забота о совести, душе и последствиях твоей жизни придвигаются вплотную и заслоняют собой весь материальный мир. Даже юмор в таких местах другой, люди смеются без злорадства и не над другими людьми, а над собственным несовершенством.

А новая поэма это Путешествие, и не только по святым местам нижегородчины, но и по Истории этих мест. Век от века Нижегородская земля определяла жизнь России.

В.С. Ярослав Валерьевич, мой последний вопрос, в котором мне хотелось бы попытаться воедино соединить ваш медицинский опыт, с опытом творческим. Вот вы врач, освоивший многие специальности по спасению человеческих жизней — терапию, токсикологию, кардиологию и, наверно, ещё какие-то, о которых я не знаю. А значит, много повидали боли и страдания людей — как духовных, так и физических. Но ведь не может быть, чтобы это как-то не повлияло на вашу поэзию? Спрашиваю об этом, потому что, в ваших стихах строк, которые бы, что называется, «в лоб» отвечали на этот мой вопрос, я не встречал. Всё в вашей поэзии тоньше и глубже, словно не помогали вы многим справиться с недугами (а я знаю от людей, которым вы помогали, что вы человек доброго, щедрого и отзывчивого сердца), словно не видели кровь, невыносимые страдания, наконец, смерти. Как же ваша душа всё это выносит? Или поэзия как раз и помогает эти чужие страдания пережить, отдалить от себя?

Я.К. Привыкнуть к страданиям пациентов, людей, да и любых живых существ невозможно. С каждым больным переживаешь все его несчастья вновь и вновь, и настоящий врач тратит не только время и силы, но и здоровье. Может быть я счастливый, но я знаю много таких своих коллег. Преступно то, что врача сделали сейчас специалистом из сферы услуг, точно выполняющим, регламентированные руководящими документами и страховыми компаниями, действия, никак не связанные с индивидуальностью больного. Гиппократ утверждал: «Лечить надо не болезнь, а больного!». Ну, нельзя лечить всех одинаково, люди разные. Иначе, по мнению министерства здравоохранения, лучшим хирургом был разбойник Прокруст. Проходят столетия, но начётчики и формалисты, пролезшие в искусство медицины не как творцы, а как критики упорно лишают медицину души. Сейчас медицина становится всё более формальной, а, следовательно, жадной, холодной, беспринципной и, безусловно, преступной. И это сравнимо только с тяжкими преступлениями. Ну что ж, вы хотели этого сами, вы унизили врача до подённика из сферы услуг, так получайте бездушного жадного разбойника со скальпелем в руках. В таких условиях мне всё более скучно заниматься медициной. А поэзия бессмертна. Так что в качестве врача я помогаю сейчас немногим, только тем, кто не пойдёт после к юристу в благодарность за мою помощь, и советы мои часто отличаются от формальных советов участковых врачей. Поэзия не может заменить медицину, но лечить души умеет.

В.С. Спасибо, Ярослав Валерьевич, за откровенный разговор. С вами беседовать и беседовать — столь интересно вы рассказываете и рассуждаете. Потому надеюсь, что мы продолжим наш диалог.

*Нижний Новгород
Октябрь 2020 г.*